

К Р О К О Д И Л

№ 25 СЕНТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

Взбесившихся собак надо расстрелять!

ВСЯ СТРАНА ЖДЕТ ОТ ВЕРХОВНОГО СУДА ЕДИНСТВЕННОГО ПРИГОВОРА ФАШИСТСКОЙ БАНДЕ — РАССТРЕЛА!

Раздавить гадину!

Суд над участниками троцкистско-зиновьевской террористической банды подходит к концу. Вчера на суде в областной тюрьме выступил государственный обвинитель, прокурор Союза ССР тов. Вышинский. Эта речь подвела итоги оному следствию, на котором были рассмотрены все преступления этой банды.

Смерть убийцам Кирова!

Вчера Военная коллегия Верховного Суда СССР приступила к рассмотрению дела участников террористического Обвинительного Суда. Обвинительный акт, оглашенный в публикующейся обзорной статье, исключительной исключительной железной кару злодеям!

Великий гнев народа

Симферополь, 19 августа. Глубокое негодование охватили трудящиеся Крыма, когда они узнали о контрреволюционном злодейском союзе, организованном в учреждении Судебного Суда СССР. Потери, состоявшиеся много выступила на Троцкий польского моря вольный инженер мастер к стра — Мы будем бороться, когда подступит Сталин, промолвила Побывшие Зиновьева а. прожжен Миронович менен, Мрачк подлать соратники

Будем бдительны на каждом шагу!

Новосибирск, 18 августа. Клуб завода переполнен. На митинге тысячи человек. Рабочие горячо провозглашают речи.

Троцкий убил нашего Кирова!

Калинин, 21 августа. На швейной фабрике в областной тюрьме митинг. 5 тысяч человек собрались

Беспощадно покарать злодеев

Хабаровск, 18 августа. В колхозе имени Ленинского завода имени М. И. Калинин, 21 августа. На швейной фабрике в областной тюрьме митинг. 5 тысяч человек собрались

Стереть с лица земли!

Буря ненависти

Распутать до конца клубок злодеяний

Электромбинат имени Куйбышева, Москва

Смерть убийцам Кирова!

Вот как выглядят эти «заинтересованные» лица, которые зорьва на прекр...

Сталин — самое дорогое имя!

Фабрика «Парижская коммуна», Москва

Товарищу Сталину

Рабочих, инженеров и служащих Сталинградского и Ружинского заводов

Удел всех, кто поднимет руку на партию Ленина — Сталина

Киев, 22 августа. Работники Государственного академического театра оперы и балета собрались на митинг, посвященный процессу над троцкистско-зиновьевской бандой.

Враги хотели лишить нас самого ценного

Враги хотели лишить нас самого ценного — Сталина!

Все мощнее звучит гневный голос народа!

Вечное проклятье главному организатору фашистской банды — Троцкому! Смерть Зиновьеву, Каменеву и их подлой своре!

Нет презреннее имени троцкиста

Нет презреннее имени троцкиста

Беспощадно покарать предателей и убийц

Разоблачить всех сообщников подлых предателей и убийц

Расстрелять!

Харьков, 20 августа. Вечерней газетой

Казачество требует

Казачество требует

Беспощадно покарать предателей и убийц

Беспощадно покарать предателей и убийц

ЭТО ВСЕ МЫ

ЭТО ВСЕ МЫ

Врагам народа

Врагам народа

Нет позорнее имени троцкиста

Нет позорнее имени троцкиста

Беспощадно покарать предателей и убийц

Беспощадно покарать предателей и убийц

Заклятые враги народа

Заклятые враги народа

ПОТОЛОК ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Говорят, что около двух тысяч лет тому назад в одном из городков передней Азии жил один господин по профессии апостол. Его звали Иуда, и он произвел фурор своей сделкой. Он якобы продал римским властям одного гражданина за тридцать серебрянников. Даже по тем дешевым довоенным ценам тридцать серебрянников было маловато. Многие граждане огорчались:

— Слышали? Продал за тридцать серебрянников. Иуда продал.

— Это который Иуда? Который из Кариота?

— Тот самый. Понимаете, тридцать серебрянников! Прямо невозможно работать по таким расценкам,—волновались шпики и провокаторы, сновавшие в канцеляриях тамошнего римского прокуратора.

Но Иуда был всего-навсего провокатор-одиночка. Что он мог один сделать? Ну, выдал человека за тридцать серебрянников, ну, пропил их, ну, повесился на осине.

Эти деловые соображения легли в основу разоблаченного недавно зиновьевско-троцкистского блока. Маленько покритиковав практику своего знаменитого предшественника, зиновьевско-троцкистские убийцы решили действовать на основах единения сил.

Если соединять силы, то соединять все возможные. Решили объединиться с проверенными на мокрых делах работниками гестапо. Объединились и начали действовать. Сперва пробовали что-то декламировать, принимали кое-какие героические позы. Но потом увидели: лаптем обуха не перешибешь. Без платформы оно вернее. Как-то сподручнее работать. Не к чему время тратить зря.

И начали работать по строго разработанному плану. Два часа в день громогласно каялись в своих преступлениях против партии на любой попавшейся трибуне. Два часа тратили на писание покаянных статей в газеты и журналы, остальное время уходило на подготовку убийств по строго разработанному плану.

Бедный Иуда! Каких-нибудь тридцать серебрянников. Нет, это были не таковские люди. Не отказываясь от тридцати серебрянников, они дрались за портфель, за то, чтобы любым путем прокрасться к власти.

Им удалось в звериной их злобе убить Сергея Мироновича Кирова, пламенного трибуна, твердокаменного большевика, ближайшего соратника нашего вождя, учителя и отца—товарища Сталина.

Они выступали с прочувствованными речами о Кирове и готовили в то же время убийство самых лучших людей нашей страны, всего мира, всей нашей эпохи мировой пролетарской революции.

Они предстали перед советским судом, перед судом 170 миллионов трудящихся нашей страны, перед судом многих сотен миллионов честных людей во всем мире,—во всей своей отвратительной наготе фашистских выродков, трижды презренных ублюдков сожительства троцкизма и гестапо.

Они стояли перед пролетарским судом, и не было ни одного честного голоса в их защиту. Ибо нельзя назвать честными людьми де Брукера, Ситрина и их двух коллег из II интернационала.

Приговор над шестнадцатью бандитами приведен в исполнение. Но главный бандит еще пока жив. Из зловонного мусорного ящика истории Троцкий будет еще пытаться посылать новых провокаторов и убийц в Страну советов. Гестапо ему всегда подбросит нужное количество деньжонок, людей и оружия. Нужно поэтому держать ухо востро, нужно поэтому присмотреться к тем, которые на словах покаются в своих грехах против партии, а на деле с тоскою ожидают возможности расправить свои контрреволюционные крылышки.

Не удастся, Иудушка-Троцкий! Тому порука железное единство нашей партии вокруг любимого Сталина и его верных соратников. Тому порукой бдительный страж пролетарской диктатуры, карающий меч в руках пролетариата—славный Народный комиссариат внутренних дел.

БАЛЛАДА О ПЛЕНУМЕ ПРОВОКАТОРОВ

Собрание открыл, как всегда, Гапон
С крестом на груди
И в шикарном рясе.
Пролетевший над кладбищем
антициклон
Развевал далеко призыв
сладкогласный.
И тотчас,
Попрежнему полные сил,
От Балтики и до экватора
Заворочались
И вышли из могил
Прославленные провокаторы.
Привычно летели они на огни
Знакомых
Кладбищенских серых зданий,
Куда ежегодно слетались они
На пленарные заседания.
Те, кто продавали
Родную страну
И в розницу и оптом,
Слетались, чтоб вспомнить старину
И обменяться опытом.

И вот у стола,
Где фашистский топор
Эмблемой висел
С надписью лапидарною,
Отмечались работники гестапо
И отдельного корпуса жандармов.
Разрушивши грани и средостения
Между реальностью
И мистикой,
Убеленные сединою тени
Играли пока что в тени
В три листика.
Для прохлаждения
Лимонад на подносике
Всем разносил
Собака-Носке.
Он льстиво хихикал,
Виляя задом,—
Зачинатель убийств
С доставкой на дом.
Но вот началось,
И звонок председателя
К порядку призвал

Прилетевшие тени.
И чинно расселись.
Шпионы с предателями
И руководители их учреждений.
Без прений президиум,
Как всегда,
Избрали на авторитетнейшей базе:
Зубатов — докладчик,
Гапон — секретарь,
А председателем — Азеф.
Зубатов сказал:
— Настоящее собрание,
Как и прошлые все, имеет целью
В спокойной обстановке,
Без склоки и брани
Отметить
Наикрупнейших в нашем деле.
Поскольку вопрос
Совершенно ясен
И в комментариях нуждаются
Лишь дурни да дуры,
Нечего точить понапрасну ясы.
Прошу намечать кандидатуры.

ТЕНЬ ПРОВОКАТОРА АЗЕФА: — Ну и отличились троцкисты и зинovieвцы! Даже мой пожизненный рекорд низости и тот побили!

Задыхаясь от преданности
И уважения сыновнего,
Малиновский предложил
Кандидатуру Зиновьева.
Со стороны известного провокатора
Дегаева

Поступило предложение
Отметить Бакаева.
Венецианец Джованни Казанова
Почтительнейше настаивал
На кандидатуре Смирнова.
Из хриплой глотки
Евно Азефу
С большим напряжением
Удалось выдавить:
Как специалистам
— Мне и Черномазову
Системе Троцкого

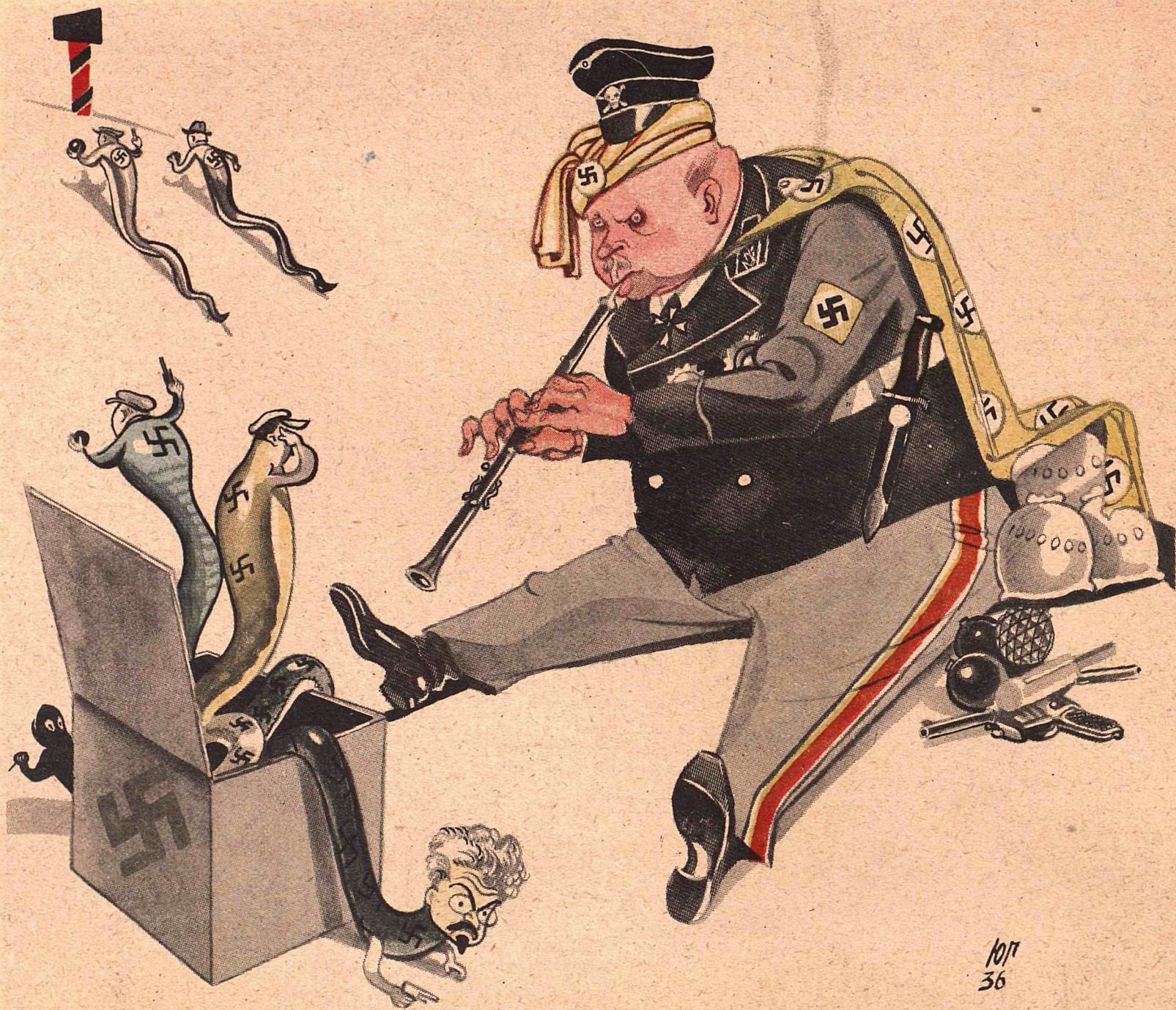
Можно только завидовать.
А с техникой Каменева
Или Ольберга даже
Так же наши рекорды
Сравнивать глупо,
Как с небоскребом
Полтораэтажным
Простую,
Крытую дранкой халупу.
Мелкая провокаторская сошка
чирикала:

— Ричарда Пикеля.
Средь страшного шума,
Впадая в раж,
В который уж раз
Начиная сначала,
Каждый ссылался
На свой стаж

И опыт предателя-профессионала.
Чтоб не было обид
И досадных злоключений,
Исключающее предложение
Внес Азеф:
— Всех перечисленных
В обвинительном заключении
Утвердить
Мастерами предательства сразу.
И пленум предателей
Постановил
Под шелест и шорох
Дремавших акаций,
Чтоб всем упомянутым
Азеф вручил
Посмертные призы
По разряду провокации.

И. БУШУЕВ

Рис. Ю. Ганфа

„А ларчик просто открывался...“

ЗАМЕТКИ ГНИЛОГО ЛИБЕРАЛА

Наднях я должен был съездить в Энск, городишко в пятидесяти километрах от Москвы. По дороге на вокзал завернул я в гастрономический магазин и попросил кило копченой колбасы.

Продавец, ловкий малый, с неимоверной быстротой свесил колбасу, завернул ее в целый ворох исписанной бумаги и с очаровательной улыбкой вручил мне покупку.

Поезд начал медленно отходить от станции. Я вынул из портфеля только что купленную колбасу. Нарезал несколько ломтиков хлеба. Затем стал резать колбасу. Режу, режу—ничего не получается. И ножик острый, а с колбасой никак совладать не может. Что такое?

Взял я эту упрямую свинокоченость в руки, стал пристально изучать и

огорчился. Оказывается, продавец, ловкий малый, впопыхах завернул мне бутафорию с витрины. То есть деревянную палку, раскрашенную под краковскую колбасу.

Стал я затем разглядывать обертку. Склеенные листки из тетради. Чей-то дневник. К сожалению, первые страницы отсутствовали.

Я углубился в чтение этих записей безыменного автора:

«...Сегодня встал рано. Утро было пасмурное. Ходил на рыбную ловлю. Плохо. Окунь почему-то перестал клевать.

Глядя на луч пурпурного восхода и неподвижно торчащий из воды поплавок, я невольно впал в размышления. Люблю, грешный человек, пофилософствовать на лоне природы.

Думал я о странностях человеческой

души. Взять хотя бы Редькина. Пригласил я его к себе на работу недавно. А он ко мне успел так крепко привязаться.

А все потому, что я оказал ему доверие. Другие на него косятся. А я к нему с открытым сердцем. Человек давно признал все свои ошибки. Навсегда порвал с троцкизмом. Надо же ему теперь создать условия для спокойной работы.

Больше бдительности, дорогие товарищи! Но если человек покаялся, у меня на него бдительности не хватает. Плохо. Окунь перестал клевать. Вдали, у зарослей, плеснула щука.

...Вчера Редькин приехал ко мне на дачу. Привез мне в подарок семена для мавританского газона. Это очень красиво: кругом зеленая шелковистая трава, а посерединке красный мак. Он очень

ЮГ
36

привязался ко мне. Говорит, чувствует во мне человека с большим дыханием. Талантливо сказано!

Жаловался, что его у нас затирают. Глаза его наполнились слезами. Я его вполне понимаю. Надо будет его выдвинуть на более ответственную работу.

Мавританский газон, красный мак, большое дыханье. Есть в Редькине что-то такое... Не все это понимают.

Ах, как нам нужна еще бдительность! Но Редькин — это вполне свой парень.

...Вчера выдержал огромный бой. Дело в том, что я принял на работу экономиста, некоего Черняка. А у нас все заартачились.

Я не знаю этого Черняка. Но не могу не доверять ему. Его мне рекомендовал Редькин.

И почему они все против Черняка? Он за свои троцкистские ошибки ведь уже понес наказание! Был исключен из партии. Чего же от него еще хотят? По словам Редькина, Черняк апеллировал в высшие инстанции. Его, возможно, и восстановят.

Я понимаю: бдительность нам еще нужна. Ох, как нужна! Но раз Редькин ругается...

После обеда шел дождик. Спал два часа. Потом пил чай со свежим вареньем.

...Сегодня с утра пошли собирать грибы. Неважно. Лисичек вовсе не видеть. Белые иногда попадаются под елочками.

Черняк — мастер находить белые грибы. Вообще неплохой парень. Долго беседовали на разные темы. Я его изучаю, прошупываю. Руководитель должен знать своих людей.

Он очень страдает. Надеется на восстановление в партии. Надо будет ему помочь.

Очень любопытный факт: Черняк не

совсем одобрительно отзывался о Редькине. Говорит, что не любит его. Это очень хорошо. Значит, никакой спайки.

Я тоже хитрый. Я Черняку тонко намекнул, что и Редькин чувствует к нему неприязнь.

Так оно будет лучше. Ох, как нужна бдительность!

Не забыть зачислить в штат Варгунова. Черняк очень просил. Варгунов, оказывается, еще в прошлом году покаялся. Значит, все в порядке.

Не пойти ли вечером карасей ловить? Очень душно.

...Карасей ловить не ходил. Жарко. Кроме того ко мне на дачу приехал Петя Солькин. Наднях вернулся из ссылки. Ну, и ругал я его. Прямо клеймил позором. А он слушает, молчит. Потом со слезами на глазах пожал мне руку. Полностью раскаялся, говорит. Окончательно порвал с троцкизмом. Я его похвалил и угостил мадерой.

Дал ему записку, чтоб зачислили в штат. Пусть работает в одном отделе с Варгуновым. Просил его понаблюдать за этим человеком. Бдительность нам еще нужна. Ах, как нужна!

Ломит поясницу. Не к дождю ли?

...Был сегодня на службе. Хотя я в отпуску, но заехал проведать.

Какой сегодня, право, несчастливый день! Приходит Редькин, просит отпустить его на три дня в Москву: мама заболела.

Затем появляется Черняк, очень взволнованный: мама заболела, надо в Москву на три дня.

Что-то все московские мамы заболели!

Уже собирался уходить, как прибегают Варгунов. Прямо на нем лица нет. Просит отпустить на три дня в Москву: папа заболел.

Пришлось, конечно, отпустить. Но я ведь хитрый. Просил Редькина: на вся-

кий случай понаблюдать в Москве, с кем встречаются Черняк и Варгунов.

Больше бдительности, дорогие товарищи!

...Ясно. Легкий южный ветерок.

Собирался идти на луга за цветами. Задержал секретарь. Приехал из города с непонятным для меня сообщением: Редькин арестован.

Надо полагать, недоразумение. Конечно, бдительность нужна. Ох, как еще нужна!..

Звонок по телефону. Что такое? И Черняк арестован. Просят меня срочно приехать.

Не ходить мне сегодня на луга за цветами! В такую погоду и вдруг такие дела!..

...Пасмурно. Меня обвиняют в гнилом либерализме. Меня называют шляпой. Меня!..»

* * *

На этом обрываются странные записи, в которые была завернута бутафорская, деревянная колбаса.

Поезд приближался к Энску. Я смотрел на бутафорию и думал о неизвестном мне авторе дневника.

Ответственный работник, большевик? Нет, одна видимость. Только раскрашен под большевика. А пристальной всмотрись — бутафория.

Но бутафория в гастрономическом магазине чему-то служит, хотя бы для украшения витрины. А этот? Он бесполезен. Более того: он вреден.

А ведь их еще не мало, таких «ответственных» чиновников! И когда мы слышим о злодействах Редькиных, мы знаем: надо тут же искать ту «шляпу», под которой пригреблись враги народа.

Показалась станция Энск. Выбрасываю в окно всю бутафорию вместе с оберткой. Они летят под откос. Вижу, как ветер уносит листки в болото...

Г. РЫКЛИН

Рис. Бор. Ефимова

ДРУГАЯ

КАРТИНА

„Не пушу“. Картина В. Мановского

Есть такая картина. Она написана, не помню, каким-то известным художником. Она называется «Не пушу».

А дело там вот в чем. Пивная. И около дверей пивной стоит женщина во весь рост. И широко расставив руки, эта женщина не пускает в пивную своего мужа.

А муж, видимо, не дурак выпить, все же ломится. И хочет ее отстранить.

А при ней вдобавок, еще кажется перепуганный ребенок. И, так сказать, всем своим видом женщина говорит: «Не пушу, дурак. Ты меня с младенцем по миру пустишь». А у самой на лице — горе и волнение. И волосы у нее в беспорядке распушены, дескать, не до прически. И кругом пустынно. Никого нет. И никто этим явлением не заинтересован.

Очень сильная дореволюционная картина. Она очень метко схватывает моменты той эпохи. И зритель через эту картину убеждается, какие были пьяные забулдыги-мужья и как неважно жилось женам и как зарабатывал на этом каналья-кабатчик, который каждую минуту мог выйти и прогнать женщину, не допускавшую мужа пропить свой последний рубль.

В этом смысле дореволюционный мастер кисти и резца отлично справился со своей задачей и по мере своих слабых сил честно отразил момент действительности.

Эту картину поучительно видеть во все исторические времена. И, например, наблюдая эту картину в наши дни, видишь существенную разницу.

Конечно, у нас пьют порядочно. И заливают, как говорится, за галстук при первой возможности. Но, между прочим, пьют сравнительно как-то не так, как прежде. Все меньше и меньше наблюдаешь влечку пьяненьких.

Бывало, раньше идешь в воскресенье или в какой-нибудь царский день и прямо чуть не наступаешь на лежащих граждан. А над ними хлопочут дворники и городовые. Натирают им уши и подставляют к носу пузырьки с нашатырным спиртом, чтоб те очухались и смогли бы на своих ножках дойти до участка. А уж там их, миленьких, в полутемной камерке, как дрова, сваливают друг на друга.

Сейчас, конечно, этого не бывает. А уж если какой-нибудь тип, напившись, как говорится, до шариков, и свалится у нас, то вскоре торжественно и культурно подезжает до него карета «Скорой помощи», и его, как случайно захворавшего, везут в вырезатель. А уж там его иодом смажут и с научной целью внутренности промоют. И вдобавок утром какую-нибудь лекцию прочтут. И возьмут с него за все про все вместе с процедурами рублей десять.

Так что, я говорю, разница колоссальная. И даже по этому поводу надо бы выпить.

А что касается жен, то и они порядочно выросли. И уже такую женщину, какая выведена на картине, навряд ли можно найти.

И уж если муж у нее сильно пьет, то она, скорей всего, от него уйдет. А если она его любит, то она и сама пойдет

с ним, куда его тянет, и там культурно посидит с ним за столиком.

А которые потеряли совесть, то на них уж такие робкие слова «не пушу» все равно не действуют. Таким нужно что-нибудь более современное.

И на этих днях мы видели нечто подобное, которое и вдохновило нас (как и того художника) зарисовать для потомства момент действительности.

А идем мы по Выборгской стороне. И вдруг видим — человек двадцать граждан идут вдоль панели и все ахают. Некоторые возмущаются. Другие машут руками. Третьи смеются.

И вдруг мы видим — на панели идет мужчина. В обыкновенной синей спецовке и в кепочке.

И вдруг все видят, что этот мужчина — пьяный. Он идет очень неровно. Шатается. И его сильно кренит то в одну, то в другую сторону.

И тут все замечают, что этот пьяный мужчина держит на руках малыша. Он держит маленького ребенка лет, может, трех. Такая чудная крошка. Курчавенький. Носик пуговкой. И смеется. Ему, видать, забавно, и у него дух замирает, что он так на руках качается. Он не понимает, конечно, что его пьяный несет и он через это качается. Он, может быть, думает, что это такая игра.

А рядом с этим странным шествием идет женщина. И одной рукой эта женщина отстраняет прохожих. А другой рукой она по временам делает «козу». Она этим, видать, еще более забавляет малыша, который сидит на руках у пьяного.

И вот, я говорю, кругом в толпе раздаются возмущенные возгласы. Некоторые женщины, недовольные такой безобразной сценой, и видя, что крошка подвергается опасности упасть и вдребезги разбиться, начинают кричать на пьяного, чтоб он прекратил свое шествие с ребенком. Но тот, мало что понимая, идет, покачиваясь, дальше.

А та женщина, которая идет с ним рядом, не смущается этим и продолжает забавлять ребенка. И по всему видно, что она мать этой деточки и жена этого пьяного. И, тем не менее, такая сцена.

Тогда одна молодая особа, не могущая больше видеть подобные дела, бежит до милиционера и с ним возвращается.

И тогда все, наперерыв галдя, рапортуют милиционеру, что вот, дескать, пьяный дурак подвергает опасности ребенка, а эта ненормальная мать потакает.

Тогда милиционер делает под козырек этой паре. И те останавливаются.

И вдруг женщина машет на толпу рукой, чтоб все замолчали. И когда прекратились крики, она произнесла такую речь:

— Товарищи, — сказала она, — этот выпивший человек, несущий на руках нашего сына, есть мой муж. И он в настоящее время лечится от алкоголя. И он уже делает некоторые успехи. Но пока он провел двадцать сеансов. А врачи ему сказали, что надо двадцать пять. Так что, конечно,

он еще не окончательно забылся от своей привычки. И он последнее время каждый день сидит в пивной, покуда я его оттуда не вытяну. Но, поскольку я его силой вывести не могу и он все равно будет сидеть до закрытия, я тогда прибегаю к нашему сыну. Муж у меня исключительно любит ребенка. И только когда я в пивную зайду с сыном, муж мой весь преображается, берет его на руки и идет домой. Но попробуйте от него отнять ребенка — и он обратно вернется и будет снова пить. Что же касается до того, что он уронит ребенка, то на этот случай я иду рядом и, если муж опрокинется, то я вполне успею подхватить мальчика. Конечно, в каждом деле есть риск и волнение, но тут меньше беды, чем если он у меня сохнет и тем самым делает еще больший вред себе, сыну и обществу. Вот что я могу вам сказать в ответ на ваши законные крики, угрозы и возмущение.

Тут многие развели руками, когда услышали эту реплику. А некоторые зааплодировали и расступились, чтоб дать им дорогу.

И пьяный отец, который во время речи мотался, как пшеничный колос от ветра, торжественно пошел дальше.

И тут все убедились, что он крайне бережно и крепко держит мальчишку.

И снова рядом с ними пошла женщина, продолжая делять мальчику «козу».

И миллионер, не зная, какую резолюцию подвести под это дело, снова взял под козырек и, вздохнувши, сказал:

— Все в порядке...

И кто-то из толпы добавил:

— Все в порядке — пьяных нет.

И тут все засмеялись и разошлись по своим делам.

МИХ. ЗОЦЕНКО

ДЕФИЦИТНЕЕ

Рис. Л. Генча

— Почему очередь за спичками? Разве это дефицитный товар?

— Спички—нет, а вот магазины у нас в городе—действительно дефицитный товар.

СЛУШАЕМ!

ДЛЯ СОТЕН ТЫСЯЧ ГРАЖДАН, ОСОБЕННО ЛЕТОМ И ОСОБЕННО ДЛЯ ТЕХ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В ПУТИ ИЛИ НА ОТДЫХЕ, РАДИОИНФОРМАЦИЯ ЗАМЕНЯЕТ ГАЗЕТУ.

КАК ЖЕ ПОСТАВЛЕНА У НАС РАДИОИНФОРМАЦИЯ? НА ЭТО ДАЕТ ОТВЕТ ПОМЕЩАЕМАЯ НИЖЕ ПАРОДИЯ.

Алло! Алло! Говорит станция РСПМСДК. На волне 1050 с половиной метров. Передаем информацию.

Слушайте новости из-за границы!

ЛОНДОН. 5 сентября. Газета «Таймс» (передаю по буквам: Татьяна, Айседора, Ияшта, Маша, Саша — «Тимес») сообщает, что министр Иден выехал. Обсуждая этот факт, другая газета, «Тимес» (читаю по буквам: Тида, Ида, Мида, Еда, Сидя—«Таймс»), сообщает, что министр Иден действительно выехал. В Калифорнии стоят удушьящие жары.

АМСТЕРДАМ. 2 августа (задержана в пути. Читаю по буквам: Пуля, Уля, Туля, Иля — пути). Как сообщают, в Испании происходят события.

ШВЕЙЦАРИЯ. 9 сентября. Приехавший сюда датский журналист Бреккен-Кеккен в интервью сообщает, что в Милане выпускаются новые почтовые марки. По тем же источникам, на острове Борнео забастовали лесорубы, предъявившие требования.

Переходим к внутренней информации! Слушайте подробности пешего перехода станция Бологое—гора Эверест.

РЯЗАНЬ. 8 сентября. Прибывшие на лодках первые пешеходы были встречены на лыжной станции замзавом подотдела озеленения местного горсовета товарищем Тюкиным В. А., который сказал: «Приветствую в лице пешеходов всех передвигающихся при помощи ног. Клейким позором срывающих организованную поступь. Руки прочь от ноги, товарищи!»

СЫЗРАНЬ. 8 сентября. Передаем приветственную речь открепленного члена месткома водников тов. Зыкина: «Пешеходы-активисты! Нога была предшественницей автомобиля! Ваш рейс пешком из Бологого на Эверест, с багажом и чайниками, я расцениваю как много шагов вперед. Пью этот кубок сидро за продвижение!» Запасшись автографами тов. Зыкина и пресной водой, пешеходы уехали дальше.

КАЗАНЬ. 7 сентября. Выяснено, что средняя яйценоскость на душу населения в истекший сезон 1932—1933 года равняется 2,07 человеко-курицы. На юге Татарской республики замечены грозовые разряды.

ЧИСТОПОЛЬ. 10 сентября. Сообщаем погоду. В центре — ноль семь, на югозападе — девять и два, на северо-востоке — минус один. Меняющиеся с дождем осадки, а также облачные тучи и местами ясная погода с градом.

САРАТОВ. 10 сентября. В Киеве в июле открыт Дворец пионера.

ПОПРАВКА! Слушайте, товарищи, поправку! Внимание, товарищи, — поправка!

Во вчерашней телеграмме из Сан-Паоло (Алжир, Мексика) о приезде туда парaguayского посла господина Памбо-Тумта-Макути вкралась ошибка. Тумта-Макути — селение на острове Борнео и никакого отношения к приезду парaguayского посла не имеет. Следует читать: «около Ливерпуля потонул парусник «Памбо». Читаю по буквам: Папа, Апа, Мапа, Бапа, Опа.

Следующая передача — завтра, в 6 часов вечера, по полуночи.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

СТЯЖАТЕЛЬ

Выспавшись после ночного дежурства, сторож Егор Мохов садится за стол пить чай и читать газету.

Газету он читает по-своему.

Сначала, нахмурив седые сердитые брови, внимательно перечитывает театральные объявления, бормоча себе под нос, как бы уча наизусть:

— Сад ер-ерми-ермитаж. Смирнов-Сок-Сокольский. Кино Арсь. Но-вые-вре-ме-на. Чарли Цап-лин.

В театры Егор Мохов не ходит, но объявления читает акуратно: ему нравятся трудные названия кинематографов и звучные фамилии артистов.

Отдав дань искусству, он переходит к происшествиям. Больше всего ночной сторож любит читать про жуликов и воров, причем искренно восхищается последними.

— Один орел тянул в учреждении десять тысяч и дал тягу,—радостно сообщает он жене Аксинье Никитичне, отрываясь от газеты,—ищут его теперь.

И, иронически прищурясь, прибавляет:

— Ищите, ищите, бог в помощь...

Нравится ему читать и про несчастные случаи, но всех попавших под трамвай и грузовики Егор Мохов презирает и называет «разявами».

Покончив с происшествиями, Егор Мохов ищет в газете свой любимый отдел — сообщения о наградах и о вручении орденов. Найдя, берет карандаш, четвертушку бумаги и, отодвинув от себя стакан и тарелку, солидно соли, переписывает приглянувшиеся ему фамилии, руководствуясь интуицией и одному ему понятными соображениями.

Потом надевает картуз и деловито говорит жене:

— Летчику Кремневу знамя дали. И профессору Кособокову Николаю Петровичу тоже пожаловали. Все наши, тамбовские. Иттить надеть!..

Через час Егор Мохов получает в справочном бюро адреса новых орденосцев.

Еще через полчаса он звонит в квартиру летчика. Дверь открывает ему сам Кремнев — высокий худощавый блондин, с круглыми и веселыми, как у птицы, глазами.

— Летчик товарищ Кремнев здесь живут? — степенно спрашивает Егор Мохов.

— Я Кремнев, что вам угодно?

Егор Мохов снимает картуз, обнажая представительную лысину.

— Честь имею поздравить с наградой. Почтение тебе от всех тамбовских... (голос Егора вздрагивает). Соколки вы наши, защитнички!..

— Спасибо, — просто говорит летчик, удивленно пожимая гостю руку.

Наступает молчание. Егор Мохов чувствует, что нужно еще сказать что-то, но слов у него не хватает, и он с легким всхлипом выдавливает из себя:

— Лятаешь все?

— Летаю.
— Высоко лятаешь?
— Высоко.
— И не падаешь?
— Пока нет.

Снова наступает молчание. Егор Мохов решает, что с официальной частью покончено и приступает к делу.

— Я насчет пальтишка к тебе. Пальтишка нет ли у тебя, товарищ Кремнев?

Летчик несколько растерянно веселым жестом показывает на свое непромокаемое пальто, висящее на вешалке.

Гость скептически ощупывает добротную американскую прорезиненную ткань и неодобрительно качает головой.

— Фасонистое больно. Нам такое без надобности. Может, другое какое есть?

— Шинель есть!

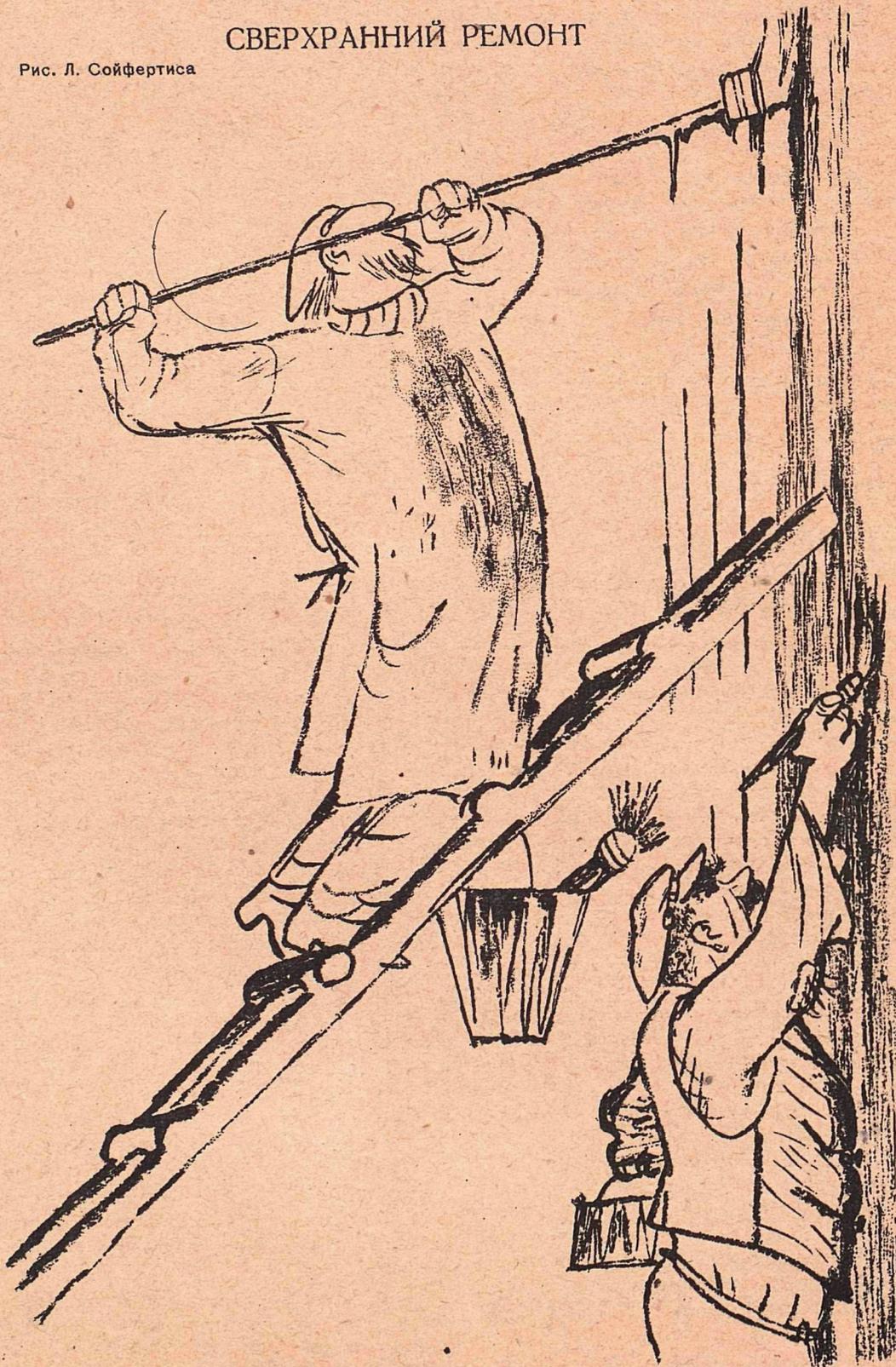
— Шинели мы в мировую поносили. Будя! Нам требуется обыкновенное штатское пальтишко.

— Обыкновенного у меня нет.

— Тогда бесплатный ордер выпишывай, товарищ Кремнев. На фамилие

СВЕРХРАННИЙ РЕМОНТ

Рис. Л. Сойфертиса

— Недавно выстроили дом, а уже его ремонтируем.

— Это что! На соседней улице один дом и строится и ремонтируется одновременно.

Рис. Л. Генча

— Говорят, что у вас сбережения большие. В сберкассе храните?
— Какое там в сберкассе! В Наркомлесе: по три месяца зарплаты не выдает.

Мохова пиши. Двубортное пиши, чтобы дали, на вате.

— Не туда пришел, отец, — добродушно говорит летчик, пожимая плечами, — нет у меня никаких ордеров. Вот тебе на пол-литра и ступай.

Егор Мохов прячет две трешницы в громадный облезлый кошелек, благодарит, но не уходит.

— Иди, иди, отец, мне работать нужно.

— Не хотишь на пальто бесплатный дать, давай хоть на пинжак, — вздохнув, тихо говорит Егор Мохов, не спуская с летчика просящих собачьих глаз.

— Да нет у меня никаких ордеров, чудак ты человек.

— Это ты брось, товарищ Кремнев, вам полагается, как ты есть награжденный. Мне от тебя с пустыми руками уходить никак невозможно.

— Иди, иди!

— Ну, хоть на штаны бесплатный дай. Не скупись. Не дом ведь прощу.

— Иди, тебе говорят.

— Ох, и скуп ты, сынок. Ладно. Пиши на рубашку полотняную, и я уже пойду. Мне еще к профессору Кособок, Николаю Петровичу, надо поспеть. Приищи, чтоб с вышивкой была рубашка-то, пуговицы чтоб сперламутровые.

С любопытством натуралиста летчик внимательно смотрит на непоколебимую упорную бороду ночного сторожа.

— Слушай, дядя, — говорит он, — почему ты решил, что я должен снабжать тебя бесплатными ордерами? Ведь я первый раз тебя вижу?

— Так ведь ты тамбовский, и я тамбовский, — рассудительно отвечает Егор Мохов, — ты Моршанского уезда, а я Кирсановского, акурат соседнего. Я в газетке твое биографии прочитал. Вот и профессор Кособок, награжденный, Николай Петрович, тоже будет наш тамбовский. Не скупись, земляк, подписывай бесплатный!..

Посмеиваясь, Кремнев уходит к себе в комнату, предусмотрительно оставив дверь в переднюю открытой, и возвращается с поношенным черным пиджаком в руках.

— Вот хочешь, бери пиджак. Он еще крепкий. Его только почистить и потюжить надо.

— Шевьёт, — ставит диагноз Егор Мохов, пробуя пиджак на ощупь, — ничего себе пинжачок. Дай хоть на утюжку-то рубля три.

— Я ж тебе уже дал шесть рублей.

— То на пол-литра.

— На тебе еще целковый и провали-

вай. Да поскорей, а то я рассержусь, тогда плохо будет.

— Ладно, пойду. За бесплатным, за ордерами уже завтра зайду. Покедова!

Спускаясь с лестницы, Егор Мохов решает отложить визит к профессору Кособок на завтра. По дороге домой он покупает в «Гастрономе» бутылку водки и колбасы и шагает к себе на Плющиху, вполне довольный собой и мышинной своей жизнью стяжателя.

Аксинья Никитична попрежнему возится у печки. Вкусный запах борща шкочет ноздри Егора Мохова.

Он небрежно бросает кремневский пиджак на кровать и говорит:

— Почисти, выглади и неси завтра на рынок. Червей семь дадут. А бесплатный ордер не дал, жадюга. Ну ничего, все равно он у меня не вырвется. Не схотел на рубашку подписать, на пальто и на всю тройку подпишет. Каждый день буду к нему ходить, все соки с него выпью. А к профессору не успел сегодня смотаться. Видать, завтра придется иттить. Деньгами буду просить... Ну давай борщ, чего глаза вылупила!

Егор Мохов наливает себе водки в большую пузатую рюмку и, крикнув, выпивает.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

НЕСЧАСТЬЕ

В редакцию газеты принесли две новенькие, свежие фотографии. На одной из них был изображен усатый мужчина. К низу фотографии была приклеена подпись на папиросной бумаге: «Лучший льнотрепальщик тов. И. Г. Симаков».

Под второй фотографией, изображавшей безусого юношу, стояла подпись: «Лучший сборщик утиля тов. В. Чебаков».

Редактор приказал пустить обе фотографии в очередной номер. От фотографии отодрали подписи и послали снимки в цинкографию.

Каждое утро, запершись в кабинете и сняв телефонную трубку, редактор имел обыкновение просматривать очередной номер. В дверь постучали.

— Ага! — сказал редактор.

— Опять несчастье! Опять! — схватившись за уши, крикнул завхроникой.

— Что такое? — откинулся редактор, и у него дрогнула левая нога.

— Звонили из Союзфото. Оказывается, они перепутали подписи под фото. Оказывается, усач — утильщик, а безусач — трепальщик.

— Ффу, — выдохнул редактор. — Подведут они меня под восьмой стропий выговор. Надо завтра сделать опровержение и обязательно написать, по чьей вине вышла ошибка.

И вызвал секретаря. Секретарь явился смущенный и сказал:

— Такая неприятность, Трофим Трофимович.

— Да, черт подери!

— Надеюсь, что это в последний раз. Я приму меры.

— Да мы за них ручаться не можем.

— Да вы о ком?.. Я ведь о том, что в ночной спешке подписи под этими фото перепутали: усача утильщиком назвали, а...

Редактор схватил номер газеты, посмотрел на фото, подписи, сжал ладони секретарю и сказал:

— Ну и молодец вы, голубчик! Ну и молодчина!..

НЕПРИЯТНОСТЬ

Больница эта считалась клинической. Каждый день осматривать больных приходили студенты-практиканты. И сегодня рыжеватый студент подошел к Табачкову и, взяв его за руку, где обычно у Табачкова были прицеплены часы, начал считать вслух пульс:

— Раз, два... Семнадцать... Умножаем на четыре...

На мгновение практикант замолчал, потом добавил:

— Восемьдесят восемь.

И поднял карандаш, чтоб записать пульс.

— Позвольте! — сказал Табачков. — Это неверно. Семнадцать на четыре — не восемьдесят восемь, а шестьдесят восемь.

Рыжий усмехнулся:

— Больной! Или я вас буду лечить или вы будете меня учить.

— Я не учу, но...

— Медицина не терпит вмешательства профанов. Успокойтесь, больной!..

— Я не волнуюсь, но ведь арифметика не воюет с медициной. И если вы не знаете...

— Предоставьте о моих знаниях судить другим и не волнуйтесь...

— Я не волнуюсь.

— Нет, вы уже волнуетесь. На то я будущий врач, чтоб видеть, что вы не в себе...

— Вот вы не в себе...

— Если каждый больной будет позволять себе...

— Да вот спросим доктора... Доктор! Вот они неправильно мне пульс записывают.

Доктор подошел к Табачкову, взял его за руку и начал вслух считать пульс:

— Один, два... Двадцать два... Да умножить на четыре... Запишите больному пульс — восемьдесят восемь.

Рыжий презрительно усмехнулся и вывел две восьмерки. А Табачков смотрел на руку и жал плечами.

ПОСТРАДАВШИЙ

Он вышел из экзаменационной комнаты и вытер с затылка пот.

— Ну как? Ну как?

— Да что как, — отвечал он окружившим его будущим студентам. — Придираются. Ведь ясно было в декрете, что не важно, чей сын, а они придираются.

— Неужели?

— Да, да! Я вот только начал излагать свою биографию, остановили: «Не годитесь», — говорят.

— Да что вы?

— Да, да!

И он показал начало своей биографии:

«Афтобиография. Как я ест сын нахадящийся у своих родителей...»

ОБИДА

К прилавку этого мануфактурного магазина было не пробиться. Огромная толпа, человеческая каша, кипела возле прилавка.

Какой-то кандидат в покупатели схватил за рукав проходившего мимо завмага и сказал с возмущением:

— Безобразия!! Создаете такие очереди!!

— Извиняюсь... Где вы видите очереди? Толкотня, давка, штурмовщина. Но не очереди. Отнюдь! — И проследовал дальше.

МАНДАРИН

На другой день после выходного дня Павел Купцов на работу не явился. Справились в личном столе. Там сказали:

— Заболел. Наверное, грипп. Прислал бумажку.

Многие посочувствовали.

— Двадцать лет шарню — и вот пожалуйста... Надо бы сходить попроведать.

Купили десяток мандаринов, пришли поведать. Павел Купцов сидел на диване, закутавшись в одеяло.

— Что ж ты, Пашка, — нарочито веселым голосом сказала Булавкина, — хворать вздумал?! Вот оттягиваем тебя как следует, живо поправисься.

— Простудился, — шопотом сказал Купцов. — Выпил холодного лимонаду.

— В двадцать лет не болеют, — сказал Перепелкин. — Раз, раз и готово. Давай ложись, градусник поставим.

— Не надо, — шопотом сказал Купцов. — Спасибо, что зашли.

— Да ведь ты одинокий парень. Мы не зайдём, кто зайдет? — Булавкина незаметно смахнула слезу. — Ша-ша-шаман мандарины...

Через полчаса Купцов пошел к дверям провожать гостей. Гости протестовали:

— Еще застудишься... Не смей!

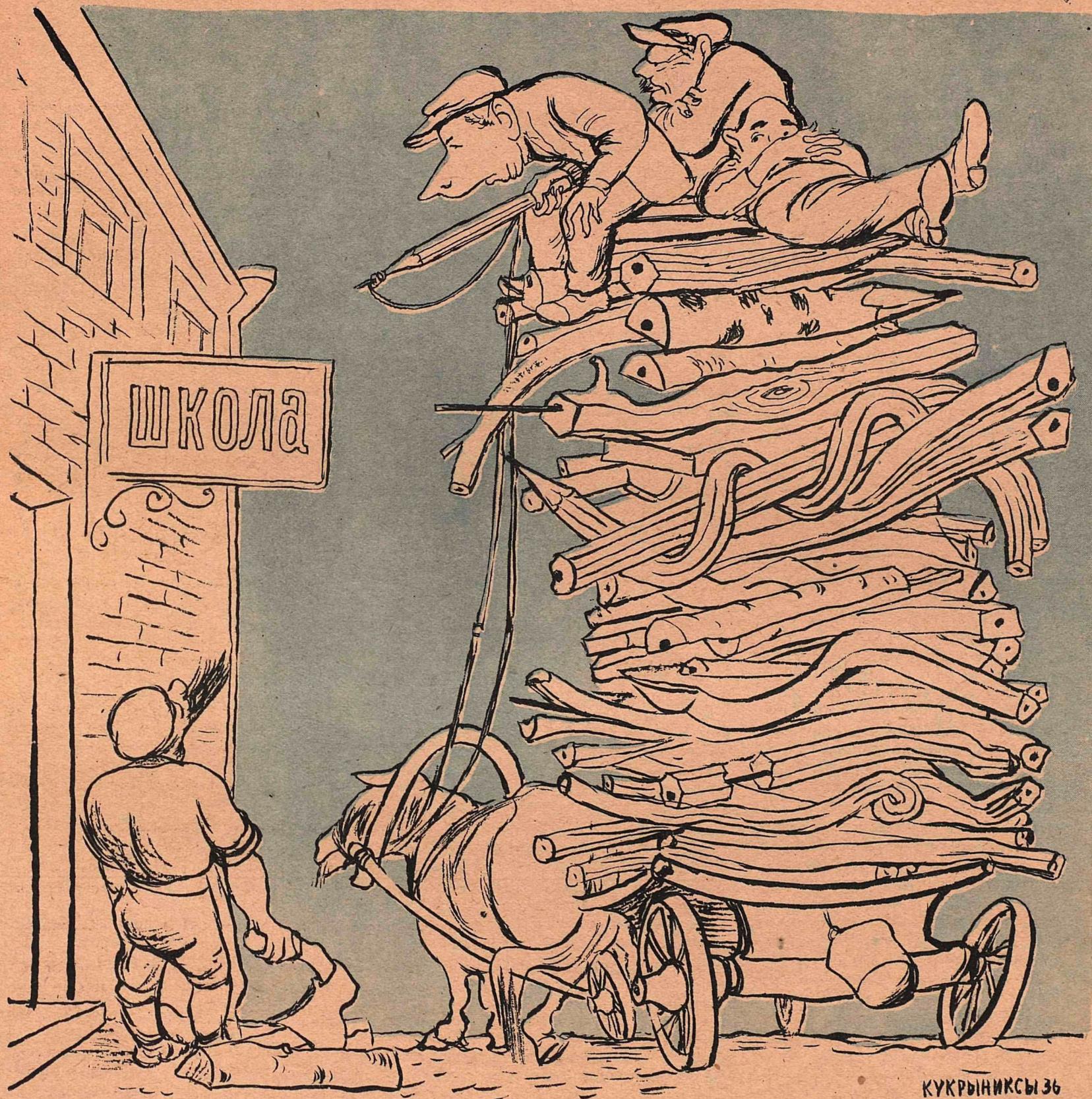
— Ничего, — басом сказал Купцов. — На водную станцию сейчас пойду. Я, брат, хитрый, как китайский мандарин. У меня три выходных было отработано. Думаю, отгуляю, да заодно ребят посмотрю. На словах они заботливые — такие ли на деле?..

И заботливо завернул в старую газету купальные плавки.

В. ТОБОЛЯКОВ

ДРОВСОЗДАТЕЛИ

Рис. Кукрыниксы

КУКРЫНИКСЫ 36

- Эх вы! И это называется дрова!
— А кто тебе сказал, что дрова? У нас на фабрике это называется карандаши первого сорта.

(В дополнение и без того достаточно ясного рисунка все же сообщаем, что на возу сидят слева направо: бывший директор фабрики имени Красина тов. Пурбек, бракерошник треста школьных письменных принадлежностей Прозоров и бывший технический директор фабрики имени Красина Ясиновский. К сожалению, продукция на возу изображена не бывшая, а та, которая еще до сих пор продается в магазинах.)

ТАНЯ И ТАТЬЯНА

Иллюстрации Л. Сойфертиса

Совсем дня за два, за три до начала занятий Таня осталась на даче одна, с ворчливой домработницей Нюшей, и в первый раз нарушила честное слово. Недрогнувшим голосом она обещалась маме, уехавшей в город, ложиться спать ровно в одиннадцать. («Честное слово, мамуля! Мне же не десять лет, а тринадцатый год — я не маленькая, и можешь не беспокоиться!») И обманула без зазрения совести.

В первый же вечер достала у соседки маленький томик Пушкина и читала «Евгения Онегина» до трех утра. Во время письма Татьяны копчила поломанная дачная лампочка, в нос забралась сажа. Но вскоре наступил холодный ответ Евгения, было очень обидно, текли слезы, и не хотелось обращать внимания на мелочи. А когда уже в холодном Петербурге в тоске безумных сожалений к ногам Татьяны упал Евгений, Таня немного успокоилась, с ужасом увидела, что в окошке светло, и в испуге уснула, даже не задув лампочку.

Разбудила ее Нюша тихим, но твердым предупреждением:

— Придет мать — все обскажу. Нос-то промой, читательница.

Особой паники в танину душу угроза не внесла. В конце концов, мама — это мамуля, а не кто-нибудь, и ей все можно объяснить. И она все поймет, особенно если ее поцеловать в ухо, во время шопота. Таню волновало другое: почему Ольга не могла вызвать Ленского в коридор, объяснить ему, почему она танцевала с Онегиным, и как не стыдно интеллигентному человеку орать на именинах и до смерти драться при чужих людях недалеко от мельницы. Волновало еще многое и очень хотелось с кем-нибудь поделиться своими догадками и соображениями. Натягивая чулок на пухлую ногу с не вымытой по случаю отъезда матери пяткой, Таня заискивающе сказала Нюше:

— Какую я книжку читала!.. Как будто одна Татьяна Ларина влюбилась в одного Евгения и послала к нему записку через няньку...

— Няньков теперь нет, — сухо заметила Нюша, дометая пол расхляпанным веником. — Сама поди себе ставь чайник, а мне обед готовить надо...

И вышла.

После чаю Таня побежала к соседям. Все ушли на реку, и дома был только Николай Тихоныч, который где-то служит, очень умный и ходит в пижаме.

— Я «Евгения Онегина» прочитала. Здравствуйте, Николай Тихоныч, — доглатывая малину, сказала Таня. — Очень интересно. Только маленький кусочек остался. Вам жалко, когда Ленского убивают?

— Прекрасная ария, — зевнув, сказал Николай Тихоныч. — Обязательно сходи. Только когда Козловский поет. У него это лучше.

— А Татьяна, по-моему, хорошая, — отвечая своим мыслям, добавила Таня. — Ольгина сестра.

— Разве? — еще раз зевнул Николай Тихоныч. — Может быть. Рекомендую посмотреть «Кармен». Тебе больше понравится. Цыгане, балет, быки. Быков, впрочем, нет, но тебе понравится.

Четыре дня ходила Таня, наполненная Пушкиным, Татьяной, безвременной смертью Ленского, снегом в чеканных стихах и колебаниями Евгения. Хотелось с кем-нибудь поговорить обо всем этом, захлебываясь, торопясь, споря.

Приехав в город, забежала в школу узнать, когда начнутся занятия. На школьном дворе познакомилась с второгодником Игорем Бурыкиным, который уже проходил «Евгения Онегина» по учебнику и насчет разговоров о нем уклонился, заметив только вскользь, что этот самый Евгений — подозрительный типчик.

Попробовала было дома поговорить с мамой, но мама в середине рассказа так несерьезно и сочно поцеловала ее в сладкие от варенья губы, что пропала тема.

И только через шестидневку, которая пролетела как-то незаметно, Таня вернулась из школы радостная и возбужденная, торопливо обедала и после обеда капитально уселась за Пушкина.

— Закрой радио, — распорядилась она. — Тебе говорю, мама. Я читать буду. Завтра у нас в классе «Онегина» разбирают. И, пожалуйста, не кричи, если я позже сидеть буду. Мне надо.

На другой день в школу Таня пошла на полчаса раньше. Урок русской литературы был первым, и на лицах у ребят еще веял теплый румянец недавнего сна. Учитель Сергей Семеныч, хмурый, лысый человек, с обшипанной бородкой и булькающим, как гальки на морском берегу, голосом, отложив журнал, сказал:

— Начинаем проработку произведения Пушкина «Евгений Онегин». Все читали?

— Все! — радостно крикнула Таня.

— Подлиза! — толкнул ее в бока Петя Хмырин, серьезный мужчина, выстриженный наголо, рыболов и контромачник. — Карьеру строишь?

— Тогда запишем, — продолжал Сергей Семеныч, прохаживаясь по классу. — Пишите сначала, ребята, план...

На партах серыми, желтыми и зелеными птицами взметнулись свежие тетрадки.

— Вот здорово, — зашептала Таня, обернувшись назад. — Вот увидишь, Верка, как это интересно!.. Я два раза читала...

Сергей Семеныч остановился около окна, внимательно посмотрел вниз, как на дворе вырывали водопроводную трубу, порывлся в карманах, нашел запонку, которую считал потерянной, и начал:

— Семья Лариных как представители мелкопоместного, беднеющего дворянства. Записали? Влияние провинциального послужило дворянства на быт полуместного полудворянства. Точка с запятой. Роль девушки в условиях вырождающегося крупного землевладения при наличии развития городов...

— Татьяны или Ольги? — тщательно записывая, тихо спросила Таня.

— Всякой, — ответил Сергей Семеныч. — Не перебивай, когда диктуют. Городов... Идем дальше. Влияние иностранной культуры на дворянскую молодежь, получавшую незаконченное высшее образование в условиях общенациональной самодержавной России с западными культурными центрами...

— Это кто: Онегин — еще тише спросила Таня.

— Ленский. О нем так и сказано: Владимир Ленский, поэт с душой Геттингенской. Пишите: Геттингенская школа философии как родоначальница индивидуализма в эпоху намечающейся связи между торговыми центрами Европы... Понятно?..

— Понятно, — вздохнула Таня. — А Онегин был культурный?

— Нет, — сухо и недовольно кинул Сергей Семеныч. — У Пушкина сказано прямо: «Бывало он еще в постели». Этим поэт подчеркивает паразитическое социальное положение Евгения Онегина, который, не имея собственных средств к существованию, жил на крестьянские накопления... Пишите: Онегин как результат перерождения крупноместных молодых людей в тип городского мелкого буржуа перед капиталистическим наступлением города на деревню...

— Я тебе говорил: типчик! — ехидно шепнул Тане второгодник Игорь Бурыкин.

— А зачем Татьяна вышла замуж, раз она любила Евгения? — не выдержала и дрожащим голосом спросила Таня.

— Я не могу вдаваться в детали, — сердито обернулся Сергей Семеныч.

Критик на даче: — Главное — резать не глядя, как я недавно одну книгу зарезал.

И вообще что это за вопросы? У меня три урока на Пушкина... У меня Лермонтов на носу, не считая Гоголя, а меня прерывают... Татьяна вышла замуж за генерала потому, что разоряющееся среднепоместное дворянство, чувствуя свою гибель перед наступающей крупной буржуазией, искало контакта с влиятельной военной средой... Понятно?

— Понятно, — робко ответила Таня и капнула конфузливой слезой на две синие линейки тетради.

Сергей Семеныч посмотрел на часы, обиженно вздохнул и начал диктовать уже почти скороговоркой:

— Пишите, ребята... Осталось всего

семь минут... Ну так вот: индивидуализм Онегина и его пристрастие к путешествиям как следствие влияния Байрона, типичного идеолога английского фермерства, в годы борьбы сельского хозяйства с продвижением фабричной промышленности в глубь Великобритании... Ты что, выйти хочешь?

— Выйти, — вскрикнула Таня. — Я платок в пальто забыла...

Шла домой из школы Таня грустная и обиженная. Рядом с ней шагал второгодник Игорь Бурькин, который никак не мог понять, почему она такая.

— У тебя что: живот болит? — сочувственно спросил он.

— Нет, — вздохнула Таня. — Так... А тебе Татьяна нравится?

Игорь Бурькин слегка задумался, потом неопределенно ответил:

— Так себе. Мелкопоместная.

На этом они расстались. После обеда Таня подошла к своему столику, взяла томик Пушкина и потянула за розовую закладку — оставалось дочитать всего две-три страницы. Она села за книгу, потом резко отложила ее в сторону и виноватым голосом сказала матери:

— Мамуля, воткни радио... Читать что-то не хочется...

АРК. БУХОВ

ДЛЯ ВКУСА

Один старый служитель зверинца уверял, что дикобраз гораздо удобнее носорога:

— Носорог — зверь тяжелый, его каждый день мыть надо, а дикобраз что — стряхнул с него пыль к воскресенью и все!

На ролях такого дикобраза у многих наших хозяйственников функционируют общественные столовые. Стряхнул пыль к приезду начальства и все. А в остальные дни — так сойдет.

Вот любопытный и достаточно неграмотный документ — письмо начальника Общепита авиашколы:

Тов. Баль

По случае приезда 24/V с. г. начальника ГВФ г. Ткачева и нач. Главорса Вам надлежит 23/V с. г. организовать субботник по сансостоянию столовой, сделать ее культурный вид. На счет меню предусмотрите по лучше. Вообще сделать полный порядок.

Начальник Общепита Авиашколы Гальпер.

Неопытные люди считают, что для вкуса к каждому блюду полагается особая приправа. Мы несколько иного мнения. Для вкуса, оказывается, нередко нужна только одна приправа: начальство.

ЧТО НА ФЛЕГОНТОВОЙ ГОРЕ . . .

Не все, конечно, следует считать освоением классического наследства. И не всякий памятник старины овекает душу ароматом истории.

Эту скромную истину нам хотелось бы довести до сведения Юговского заводского отделения Пермского райпищесторга, магазин которого, отпуская товары, выписывает счета со следующей печатью:

После такой печати не следует удивляться, если в этом магазине продавцы еще напутствуют розничного покупателя при выдаче товаров: — Возьми сию воблу, чадо мое, и гряди!

УСТРАНЕНИЕ НЕНОРМАЛЬНОСТИ

Фото И. Л. Пинчука.

Нам прислали напечатанную выше фотографию, снятую на ст. Лось, Северной жел. дор., на ул. Луначарского.

Ободренные многообещающей и неграмотной вывеской председателя уличного комитета, мы просим его устранить ненормальности, имеющие место прежде всего на самой вывеске, затем починить водосточную трубу, висящую рядом с этой вывеской.

БЕРЕЗОНЬКА С ЛИСОНЬКОЙ

Мы, конечно, за всяческое поощрение ласкательных слов. Они как-то облагораживают и смягчают быт. Но и ласкательные слова все-таки надо держать в рамках правописания, иначе они окончательно распустились. Особенно, если увидят такое, например, потворство со стороны «Орфографического словаря» (Учпедгиз. 1936 год), на странице десятой:

«В ласкательных словах пишутся суффиксы оньк, еньк: березонька, лисонька, косонька, волосоньки».

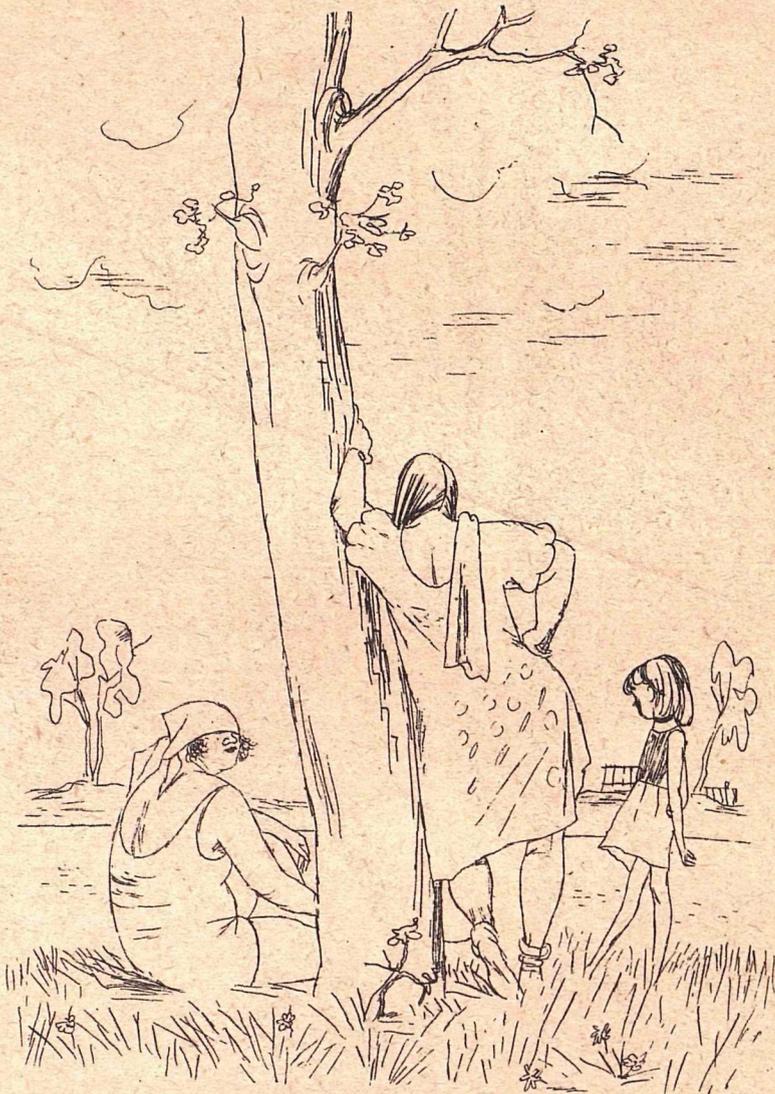
Итак значит:

— Лисонька под березонькой плетет волосоньки в косоньки?

Бедная березонька, под которой хитрый зверь совершает также необдуманные и неграмотные поступки...

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Рис. Л. Сойфертиса

— Трудно тебе, Шура, будет, когда школа откроется.

— Мне что, а вот маме не завидую.

— Она разве, тоже учится?

— Нет, ей придется для меня учебники и тетради доставать.

БЕЗОГОВОРОЧНО

Главное в каждом приказе — это его ясность, четкость и безоговорочность.

С этой точки зрения, поистине примерным является приказ Воронежского облздрава Алешковскому району:

Родов по району провести не менее 370 (из расчета 45 родов в год на койку и 75 родов на выездную акушерку).

К этому еще не достает маленькой, категорической добавки хотя бы чернилами сбоку:

— И чтобы все мальчики!

И тут же пометка карандашиком:

— И лучше — блондины.

ДОКУМЕНТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ.

Справка, выданная Холмским стансоветом (Азово-Черноморский край) гр. Родко и, своей загадочностью отдаленно напоминающая попытки робинзоновского Пятницы определить зарубками на дереве свои настроения:

Справка

Выдана сия тов. Родко Я. Г.

в том, что избирательных прав голоса не лишен и отнесен к группе кулаков-лишенцев.

ОПАСНЫЕ ЯСЛИ

Всякого рода предупредительные надписи и плакаты около зданий обычно предохраняют усталого путника от необдуманных поступков.

Интересно было бы знать, на кого именно и в каких смыслах рассчитан следующий предупредительный плакат, висящий на Воронежском заводе им. Кирова около яслей.

ОПАСНО!
ДЕТСКИЕ ЯСЛИ.
Останавливаться лошадям воспрещается.

Не хватает еще, чтобы рядом с яслями поставили квасной киоск и снабдили его изящным и кратким плакатом:

ОСТОРОЖНО!
ВЕРХ!
Купаться строго воспрещается.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

При судебном разделе имущества моего покойного мужа В. Ф. Талицкого нарсудьи 15-го участка Краснопресненского района Елкин и 2-го участка Советского района Гюрин отнесли к предметам роскоши: квитанцию на пай РЖСКТ для получения в туманном будущем квартиры и 15 штук облигаций государственных займов в мелких купюрах, которые я покупала на свои личные карманные сбережения, на сумму 420 рублей.

Отсюда я делаю вывод, что в камерах этих нарсудов здравый смысл и политическая грамотность тоже являются предметом роскоши и притом остродефицитным.

П. ТАЛИЦКАЯ

Москва.

Товарищ Крокодил!

Я не знаю техники получения на руки переселенческих билетов, но, повидимому, она не так проста, как мне это показалось наднях, когда я в г. Москве среди бела дня около здания Наркомзема поднял на тротуаре семь пронумерованных, незаполненных переселенческих билетов. Разреши с твоих страниц спросить: кто этот ответственный или безответственный индивидуум, который с буйной щедростью усеивает московские улицы документами, которыми может воспользоваться каждый, нашедший их?

А. БЕЛОБРОДОВ.

Москва.

Дружище Крокодил!

Я работал на заводе Грампластинка в Ногинске председателем правления кассы взаимопомощи особого типа. Потом штаты этой кассы в центре не были утверждены, и меня освободили от работы. Я тут же обратился к секретарю партийного комитета

завода тов. Трондину с тем, чтобы мне дали другую работу или откомандировали в распоряжение городского комитета как коммуниста.

Трондин обещал мне дать работу на заводе.

Хожу без дела пятидневку, являюсь снова к Трондину. Он опять обещает меня устроить.

Еще прошла пятидневка — Трондин не скупится на обещания. Так прошло двадцать два дня. За это время, будучи безработным по нелепой причине и не получая зарплаты, я стал продавать свои домашние вещи и кругом задолжал соседям. Семья у меня состоит из четырех человек.

Тогда заводских руководителей взяла совесть. Председатель заводского комитета Аверкиев сказал мне, что завод оплатит мне вынужденный прогул, но так как законным путем этого сделать нельзя, то мне надо просить денег на чьи-нибудь похороны, хотя бы на похороны отца.

Отец у меня жив, здоров, но я такое заявление все-таки написал. Аверкиев немедленно наложил на нем резолюцию на имя дирекции с просьбой выдать мне 150 рублей на похороны... живого отца.

Денег по этому лживому и незаконному заявлению я не получил только потому, что послал его тебе, дорогой Крокодил, в Москву. Пусть твои читатели узнают, как у нас в Ногинске относятся к живым людям и как спекулируют на мнимых покойниках.

Н. ЛЬВОВ

г. Ногинск,
Московской обл.

Уважаемый Крокодил!

Ты, наверное, видел, как работают китайские фокусники и знаешь их любимый номер — извлечение из носов и ушей посторонних граждан звонкой монеты различного достоинства. У нас в роли китайского фокусника успешно выступает местная почта. С помощью одного лишь проворства рук она извлекла из моего кармана 200 рублей. Дело было так.

В апреле 1935 года я перевел брату в Москву 375 рублей на покупку фотоаппарата. Через месяц аппарат был мной получен. А в мае 1936 года почта предъявила ко мне судебный иск на 200 рублей. Почтовый работник Прохорова на суде заявила, что она якобы получила от меня не 375 рублей, а лишь 175 рублей. Свое заявление она подкрепила собственноручными черновыми отметками в книге переводов. Почтовая квитанция на перевод у меня, понятно, не сохранилась. Нашим судьям этого показалось недостаточным для того, чтобы поверить Прохоровой и взыскать с меня в пользу почты 200 рублей. Хотя я и пострадал материально, я не могу не выразить на твоих страницах своего восхищения чистой работой почтовых и судебных фокусников.

Техник Н. СМЫСЛОВ.

Завод им. Кагановича,
Усть-Катав,
Челябинской обл.

Дорогой Крокодил!

В одесском доме отдыха ЦК книжников для отдыхающих не выписывают ни одной газеты, а библиотечка настолько убога, что отдыхающие шутя называют ее «символической библиотекой».

Книжник без книг и газет — это все равно, что сапожник без сапог.

Сообщаю тебе этот незначительный факт лишь потому, что недавно в Москву на имя ЦК союза работников книжной торговли была отправлена телеграмма с выражением благодарности администрации дома отдыха и Центральному комитету союза от имени отдыхающих за внимательный уход и хорошее культурное обслуживание. Как ты уже, наверное, догадался, телеграмму составлял культработник дома отдыха.

А. ЛИТИНСКИЙ

г. Калинин.

Уважаемый Крокодил!

Нет ли у тебя знакомого чудотворца, который помог бы нам разделить один плащ на тридцать пять агрономов, полеводов и зоотехников? Этот плащ прислан нам в Токсовское райзо, ленинградским областным земельным управлением для улучшения бытовых условий сельскохозяйственных специалистов.

Без чудотворца, хотя бы самого завалющего, нам эту трудную задачу не разрешить, ибо начальник областного земельного управления Воропаев и старший агроном Орлов на наши недоуменные вопросы ответа не дают.

Агрономы САВАТАЕВ,
КУККОНЕН

Токсово,
Ленинградской обл.

...И СКОРО-ЛЬ
ВОЗВРАТИТСЯ...

Рис. М. Храпковского

Продолжение картины
„Юность Максима“ — возвращение Максима — обещают выпустить во второй половине 1936 года.

(Из газет)

СКОРО
НА ЛУЧШИХ ЭКРАНАХ
МОСКВЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
МАКСИМА

— Наконец-то. А я уж было потерял надежду на его возвращение.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. ● Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц ●

Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 789

Сдача текста и рисунков 19/VIII—36 г.

Подп. к печати 31/VIII—36 г.

Статформат 72×108. 1/8 печ. л.

Печ. л. 2.

Кол. зн. в 1 печ. л. 70 000

Уполномоч. Главлита Б—27363

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1462

Тираж 266 000

- Пошлите в этот порт броненосец для защиты германских граждан.
- Там, к сожалению, нет ни одного немца.
- Как нет! Только вчера мы высадили туда целый десант наших моряков.